

© 2003 г.

## Международный «круглый стол» «Проблемы истории и археологии Херсонеса Таврического»

И. А. Макаров

### ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ДОСЬЕ О НАЛОГЕ НА ПРОСТИТУЦИЮ ИЗ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО\* (К интерпретации IOSPE I<sup>2</sup>. 404)

Одним из наиболее важных документов по истории Херсонеса римского времени является известная греко-латинская надпись, впервые опубликованная в 1892 г. В.В. Латышевым<sup>1</sup>, воспроизведенная с рядом поправок А. Домашевским (CIL III. 13750) и Р. Канья (IGR I. 860), и впоследствии переизданная с новыми восстановлениями Латышевым при участии М.И. Ростовцева (IOSPE I<sup>2</sup>. 404)<sup>2</sup>. Надпись включает: городской декрет, направленный представителю римской власти (как показали уже первые комментаторы, – наместнику провинции Нижняя Мёзия) с жалобой на действия римского гарнизона при сборе налога на проституцию (vectigal lenocinii, τέλος πορνικόν)<sup>3</sup>; рескрипт наместника, а также приложенные к данному рескрипту три письма, адресованные Атилию Приммиану, командиру Херсонесской вексилляции в ранге военного трибуна, и центуриону Валерию Максиму, очевидно, главе расквартированного в Херсонесе гарнизона. Кроме того, в досье также упоминаются другие документы, имеющие отношение к данному делу: предшествующая декрету петиция херсонеситов к двум не названным по имени императорам-соправителям (стк. 24: δέησιν), их ответ, признавший за городом ряд привилегий (ср. стк. 25: [τῶν συμφερόντων ἡμεῖν ὑρασιμάτων], распоряжения предыдущих легатов (стк. 13: τὰ ὑπομνήματα ὑπατικών), судебные решения военных трибунов (ср. стк. 13: ἀλοφάσεις χειλιάρχων) и, наконец, прошение солдат, адресованное легату одновременно с жа-

\* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (код проекта – 00-06-80000). Благодарю Ж. Нелис-Клеман и А.Л. Смышляева, чьи дружеские советы помогли мне в ходе работы над статьей.

<sup>1</sup> Латышев В.В. Надписи, найденные в Херсонесе Таврическом в 1889–91 годах // МАР. 1892. 9. С. 39.

<sup>2</sup> Последнее переиздание данной надписи, предпринятое Э.И. Соломоник (Соломоник. ЛНХТ. 1), в целом следует тексту IOSPE I<sup>2</sup>. 404 за исключением двух существенных отличий. В стк. 3 издательница исправляет чтение IOSPE: [---]ΕΥΤΥΧ[---] на [---]ΕΥΤΥΘ[---]. Это исправление не подтверждается моим осмотром камня, и в данном случае чтение IOSPE должно остаться в силе. С другой стороны, Э.И. Соломоник справедливо внесла исправление в текст стк. 36 : вместо ad ius p[---] на камне ясно читается ad ius f[---]. О значении данной аббревиатуры см. ниже прим. 56.

<sup>3</sup> Как видно из латинского названия налога, он касался всех тех, кто получал доходы от проституции (lenones), а не только непосредственно проституток (meretrices). Перечень лиц, чье занятие квалифицировалось как lenocinium, дан в Dig. III. 2. 4: в него были включены не только содержатели публичных домов, но также владельцы гостиниц, трактиров, бань (сауро, stabularius, balneator).

лобой граждан (стк. 19: δι' ἐντεύξεως τολμήσαντες τὴν ἄδικον αὐτῶν ἀξίωσιν φανεράν σοι ποιῆσαι; ср. стк. 43: [de commenta]rio commilitonum quod ad me {e}idem tribunus propter capitulum le[nocini miserat]).

Датировка данного досье, или, как его нередко обозначают в научной литературе, Переписки, долгое время считалась твердо установленной: Домашевский, переиздавая документ в CIL, определил время его редакции 185–186 гг. н.э. Его доказательство основывалось на том, что в стк. 3 надписи сразу после имени императора в разрыве следует эпитет εὐτυχής. Согласно наблюдению Домашевского, во-первых, последовательность «императорское имя и следующий непосредственно за ним agnomen εὐτυχής» зафиксирована лишь для официальной титулатуры императора Коммода: во всех прочих известных нам императорских титулатурах данный эпитет никогда не ставился на первое место после имени императора. Во-вторых, в титулатуре самого Коммода подобная постановка agnomen εὐτυχής характерна лишь для 185–186 гг., когда порядок эпитетов был Felix Augustus Pius: позднее на первом месте после имени Коммода ставился либо эпитет Pius, либо эпитет Augustus. Тем не менее эту аргументацию нельзя признать бесспорной. Что касается титулатуры самого Коммода, правило, сформулированное Домашевским, имеет исключения: столь строгий порядок эпитетов в надписях и папирусах не всегда соблюдался<sup>4</sup>. Кроме того, последовательность «императорское имя + agnomen εὐτυχής» эпиграфически засвидетельствована не только в титулатуре Коммода, но и в титулатуре других императоров, чьи имена подвергались позднему высказыванию вследствие damnatio memoriae, например: Севера Александра (CIL XIV. 125; IGBulg 1373, 1562)<sup>5</sup>, а также Максима и Максимиана (IGBulg 1515)<sup>6</sup>.

К сожалению, начальные три строки надписи, столь важные для разрешения вопроса о датировке, сохранились хуже всего – издатели оставляют их практически без восстановления и перевода. Тем не менее их содержание поддается примерной реконструкции. Судя по всему, первая сохранившаяся строка (точнее, оставшиеся от нее буквы ΟΥΛ) и была началом надписи: в ней должно было содержаться традиционное приветствие, открывавшее письмо наместника провинции гражданам, е.г.: [ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος ἄρχουσι, β]ουλ[η, δημῶ Χερσονησιτῶν χαίρειν – – ]<sup>7</sup>. В стк. 2 можно было бы разглядеть следы другой формулы: [– – – ἐν καιρ]οῖς εὐδα[μον-εστάτοισ], «в счастливейшие времена»<sup>8</sup>, за которой следовало имя императора в род.

<sup>4</sup> Grosso F. La lotta politica al tempo di Commodo. Torino, 1964. P. 507 sg.

<sup>5</sup> Ср. такую же последовательность эпитетов в титулатуре Севера Александра в недавно опубликованной посвященной надписи из Тире (Ivantchik A., Son N. A New Inscription from Alexander Severus' Time from Tyras // ACSS. 2002. 8. С. 1–15).

<sup>6</sup> Насколько мне известно, сомнения относительно аргументации Домашевского высказывались дважды. Ф. Гроссо (Op. cit. P. 507 sg.) отметил, что последовательность agnomen в титулатуре Коммода допускает колебания и, следовательно, датировку надписи необходимо расширить до 185–192 гг. н.э. В.М. Зубарь указал, что командиром Херсонесской вексилляции в 185 г. был военный трибун Фл. Сергиан Сосибий, как, на его взгляд, следует из посвящения Т. Аврелия Секунда (IOSPE I<sup>2</sup>. 417). По мнению Зубаря, если бы Переписка датировалась 185–186 годами, то Сергиан Сосибий был бы в ней упомянут либо в качестве действующего, либо в качестве прежнего трибуна (Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998. С. 125). Эта аргументация не может, однако, иметь решающей силы, так как датировка по консулам 185 г. н.э. добавлена в данной надписи от имени новоприбывших солдат (sequentes). Поэтому само посвящение Аврелия Секунда, а следовательно, и трибунат Сергиана Сосибия в Херсонесе может датироваться уже первым годом правления упомянутого в тексте посвящения Коммода, т.е. 180 годом н.э. В этом случае к 185–186 годам в Херсонесе могло сместиться, по крайней мере, два командира вексилляции. Иными словами, необходимость упоминания имени Сергиана Сосибия в Переписке не может быть доказана.

<sup>7</sup> Ср., например, аналогичную формулу в послании Овиния Тертулла гражданам Тире (IOSPE I<sup>2</sup>. 4. I. 32).

<sup>8</sup> После *дельты* на камне видны следы *альфы*, не указанной в предыдущих изданиях. Возможно, перед нами греческий эквивалент латинского выражения *felicissimis temporibus*, зафиксированного в эпиграфике начиная с северовского времени. Ср. Mrozewicz L. *Origo felicissimorum temporum à Novae* // Archeologia. Warszawa. 1980. 31. P. 101–112.

пад., позднее уничтоженное. В стк. 3 Латышев с полным основанием дополнил на-  
прашивающееся [— — τῆς σωφροσύνης καὶ τῆς κοσμιότητος], но оставил содержа-  
ние строки без объяснения. Здесь, как мне кажется, возможны два варианта. Либо  
эти слова надо соотносить со стоящим в конце строки ἄρχοντες и дополнять по  
смыслу причастие ἐπιμελούμενοι vel sim., что даст в переводе: «(Ваши) власти, (за-  
ботающиеся) о благоразумии и благористойности». Такого рода похвала городским  
нравам в контексте дела о проституции была бы вполне уместна. Либо здесь следует  
видеть еще одну формулу, характеризующую императорское правление. Так, до-  
вольно близкая и единственная в своем роде параллель обнаруживается в известном  
эдикте Севера Александра по поводу *augur coronarium* (Oliver. Greek. 275. II. 1. 21),  
где его царствование описывается как совершаемое «со столь великой благопри-  
стойностью, благоразумием и воздержанностью» (μετὰ τοσαύτης κοσμιότητος καὶ  
σωφροσύνης καὶ ἐγκρατίας). Такое понимание могло бы в свою очередь свидетель-  
ствовать в пользу того, что в разуре стояло как раз имя Севера Александра. Как го-  
ворилось выше, примеры, в которых за именем этого императора следует эпитет  
εὐτυχής, в эпиграфике имеются.

Что касается палеографического критерия, то в данном случае он не может про-  
яснить ситуацию. С одной стороны, стиль письма IOSPE I<sup>2</sup>. 404 (в частности, прямо-  
угольная *сигма*, курсивные *мю* и *омега*) демонстрирует отличия от палеографии дру-  
гой херсонесской надписи, достаточно надежно датирующей временем Коммода  
(НЭПХ I. 14), и представляется более поздним. С другой стороны, характерные при-  
знаки позднесеверовского времени (например, угловые формы букв, нередко встре-  
чающиеся в северопричерноморских памятниках) в этой надписи не обнаруживают-  
ся. Из сказанного следует, что от точной датировки досье 185–186 годами приходит-  
ся отказаться в пользу более широкой: конец II – первая половина III в. н.э. При  
этом в рамках данного хронологического отрезка наиболее предпочтительными  
(учитывая *damnatio memoriae*) кажутся два периода: либо правление Коммода, либо  
правление Севера Александра.

Как известно, наиболее подробный комментарий этого текста принадлежит М.И.  
Ростовцеву<sup>9</sup>. Основные положения его интерпретации сводятся к следующему. В  
свое время, в правление Адриана или Антонина, когда Херсонес Таврический был  
прочной занят римскими войсками, взимание налога на проституцию в определенных  
кварталах города было поручено солдатам Херсонесской *вексилляции*. Это была  
сумма, поступающая в пользу гарнизона, говоря словами Ростовцева, «плата города  
за защиту его римскими войсками»<sup>10</sup>. Распределение суммы налога между полисом и  
солдатами с самого начала послужило причиной конфликта. Тогда-то и было напи-  
сано первое прошение херсонеситов. В ответ на него не названные в нашем досье по  
имени императоры-соправители уменьшили часть суммы, поступавшей солдатам и  
увеличили сумму, получаемую городом. В этом, как полагал Ростовцев<sup>11</sup>, состояла  
привилегия граждан, упомянутая в декрете (ср. стк. 17: τὰ ἡμέτερα δίκαια). Однако  
воины гарнизона продолжали присваивать городскую часть τέλος πορνικόν, на-  
рушая данную привилегию. Это вызвало повторное (дошедшее до нас на камне) хо-  
датайство города к легату, который, как следует из Переписки, восстановил закон-  
ные права херсонеситов<sup>12</sup>.

<sup>9</sup> Ростовцев М.И. Дело о взимании проституционной подати в Херсонесе // ИАК. 1916. 60. С. 63 сл.

<sup>10</sup> С некоторыми модификациями та же самая идея выражена Ростовцевым в его «Социально-экономической истории Римской империи»: «Солдаты, расквартированные в Крыму, чье командование находилось в Херсонесе, участвовали в сборе τέλος πορνικόν (*vectigal lenocinii*) и получали часть дохода от этого налога, в то время как остальную часть сохранял город» (цит. по франц. изд.: *Rostovtzeff M.I. Histoire économique et sociale de l'Empire Romain* [trad. d'après la 2e éd. anglaise de 1957]. P., 1988. P. 475. № 20).

<sup>11</sup> Ростовцев. Ук. соч. С. 66.

<sup>12</sup> Толкование Ростовцева принимается в работах: Соломоник. ЛНХТ. С. 26; Зубарь. Северный Понт... С. 123.

При всей ее стройности, интерпретация Ростовцева игнорирует ряд существенных деталей. Во-первых, граждане жалуются на несправедливость и насилие со стороны легионеров при взимании проституционной подати (стк. 18), а не в связи с перераспределением полученного от нее дохода. Отсюда, казалось бы, должно следовать самое естественное понимание: конфликт был вызван незаконным взиманием налога на проституцию с самих граждан<sup>13</sup>. Во-вторых, идея о том, что часть суммы налога оставалась в городской казне, не находит никакой опоры в тексте. Упомянется сумма налога в целом (стк. 38: *vectigalis quantitas*), однако о ее распределении между городом и солдатами речь не идет. Далее, в письме наместнику херсонеситы указывают, что действия легионеров умаляют их «гражданское достоинство» (*πολιτικὴ ἐλιτίμια*; ср. стк. 15 [*τὰ περὶ τῶν τῆς πολιτικῆς ἐλιτείας ἔχοντων*]). Ростовцев интерпретировал это как указание на гражданские права, что само по себе вполне корректно. Но в чем именно состояло нарушение гражданских прав херсонеситов, о котором говорится в декрете? По мнению Ростовцева – в несоблюдении привилегий относительно закрепления за городской казной части *τέλος πορνικόν*, дарованных городу императорами. Такое расширительное толкование выражения *πολιτικὴ ἐλιτίμια* кажется мне невозможным. Данный термин служит обозначением индивидуальных прав, которыми обладает каждый полноправный гражданин внутри полиса. Умаление этих прав подразумевает потерю (частичную или полную) гражданского статуса<sup>14</sup>. Поэтому нет оснований включать в понятие *πολιτικὴ ἐλιτίμια* дополнительные льготы (в данном случае – финансовые), полученные греческим полисом от римской власти. Такие привилегии (например, налоговый иммунитет) носили зачастую временный характер, и их потеря не затрагивала, в сущности, статус гражданина внутри полиса. Иначе говоря, было бы очень неожиданным, если бы херсонеситы действительно связывали спор о распределении доходов от налога на проституцию с вопросом о своем «гражданском достоинстве».

Напротив, если принять наиболее простое объяснение конфликта (попытка взимания проституционного налога с полноправных граждан), противоречия между регулярным значением термина *πολιτικὴ ἐλιτίμια* и его содержанием в интересующем нас контексте не возникает. В самом деле, граждане должны были быть формально защищены от уплаты *τέλος πορνικόν* своим социальным статусом. Ведь, как известно, выплата данного налога рассматривалась как умаление гражданского достоинства (*ἀτιμία*). Об этом свидетельствуют различные источники. Так, в Афинах плативший проституционную подать не имел права голоса в народном собрании (*Aeschin. I. 119 : μὴ ἐξείναι δημηγορεῖν*). В римском законодательстве сами *meretrices*, равно как и лица, косвенно извлекающие доходы из проституции, также ка-

<sup>13</sup> Именно так понял содержание конфликта Домашевский (CIL III. 13750. P. 2243): «*municipes non de ipso vectigali queri, sed de exercitatione eius illicita et violenta... probabile est civium existimationis integrae... domos non pertinuisse ad loca eiusmodi inquisitioni obnoxia*». Это понимание в принципе не подвергается сомнению в позднейших исследованиях. Ср. *Stein A. Die Legaten von Moesien (Dissertationes Pannonicae, ser. I, 11)*. Budapest, 1941. S. 81; *McGinn T.A.J. Prostitution, Sexuality and the Law in Ancient Rome*. N.Y. – Oxf., 1998. P. 263; *Stumpff B.E. Prostitution in der römischen Antike*. B., 1998. S. 352; *Flemming R. Quae corpore quaestum facit: the Sexual Economy of Femal Prostitution in the Roman Empire // JRS*. 1999. 89. P. 55.

<sup>14</sup> Представление о семантике понятия *ἐλιτίμια* дает его регулярный антоним *ἀτιμία*. Последний обозначает не лишение тех или иных привилегий, полученных в дополнение к традиционным гражданским правам, но умаление самих гражданских прав (ср. *Dem. De corona*. 16 et 312; *Plut. De vit. aeg. ael.* 831d). Показательно использование в источнике римского времени (рескрипте Севера Александра гражданину Александрии – РОху 3105) понятия *ἐλιτίμια* для обозначения прав, гарантированных социальным статусом. Там указывается, что в результате совершенного гражданином *sessio bonorum* его гражданское достоинство (*ἐλιτίμια*) не претерпит умаления, в частности, он по-прежнему будет защищен от телесных наказаний (сткк. 7–9: *ἡ δὲ ἐλιτίμια σοι ἐκ τοῦτου οὐδὲν βλαβήσεται οὐδὲ εἰς τὸ σῶμα ὑβρισθήσει*). Известно, что по римским законам защита от телесных наказаний гарантировал социальный статус, как минимум, декурiona или ветерана (*Dig. L. 2. 12; XLIX. 18. 3; XLVIII. 19. 28, 5*). Напротив, финансовые привилегии города, о которых говорит Ростовцев, ничего общего с собственно гражданскими правами не имели.

рались определенным ограничением гражданских прав на основании этико-юридического понятия *infamia* (Dig. 3. 2. 1: «*infamia notatur... qui lenocinium fecerit*»; ср. ILS 6085. l. 123). Наконец, любопытная деталь: в заключительной фразе декрета-прошения граждане Херсонеса указывают на свою приверженность «целомудренному образу жизни и строгости нравов» (сткк. 30–31: ἀνθρώποις καὶ βίου σώφρονος γνωρίζουσι [τὸ χρήσιμον καὶ ἠθῶν] εὐχομένοις φυλάσσεσθαι σεμνότητά). Если конфликт касался распределения получаемого дохода от налога на проституцию, эта автохарактеристика выглядит не вполне объяснимой. Если же речь шла об угрозе взимании этого налога с самих херсонеситов, то смысл данной фразы становится понятным: в то время как указание на «гражданское достоинство» должно было служить «социальным» аргументом граждан в отстаивании своих законных прав, «целомудрие и строгость нравов» являлись аргументом этическим. На мой взгляд, сказанное свидетельствует в пользу того, что в основе конфликта была попытка взимания τέλος πορνικόν с гражданского населения Херсонеса.

Теперь зададимся вопросом о том, на каком основании римская армия принимала участие в сборе данного налога? Согласно интерпретации Ростовцева, τέλος πορνικόν предназначался для содержания Херсонесской вексилярии<sup>15</sup>. В том же духе, но еще более конкретно определил характер налога В.М. Зубарь, усмотревший в нем своеобразный эквивалент *annona militaris*<sup>16</sup>. Надо сказать, что идея о «военном» характере τέλος πορνικόν могла бы быть привлекательной в том смысле, что она позволила бы отнести конфликт в Херсонесе к числу довольно многочисленных и хорошо изученных примеров. В самом деле, хорошо известно, что специальные повинности (*annona militaris*, *angaria*, *hospitium*), которые гражданское население провинций – в основном сельское, но иногда и городское, – должно было нести в пользу армии, нередко служили предлогом для злоупотреблений и вымогательства<sup>17</sup>. Тем не менее сам текст надписи исключает возможность подобной интерпретации. Во-первых, в документе говорится, что установленная сумма не оставалась в распоряжении легионеров, а ежегодно выплачивалась военным трибуном Аррием Алквиадом в фиск<sup>18</sup> (стк. 39: *omnibus annis fisco pariaverit*). Во-вторых, само латинское название налога указывает на его характер: из числа фискальных поступлений словом *vectigalia* обозначались так называемые косвенные налоги в отличие от прямых *tributum capitis* и *tributum soli*<sup>19</sup>.

Следовательно, в Херсонесе легионерам был поручен сбор не особых военных, а регулярных фискальных податей<sup>20</sup>. Но это предположение вступает, как кажется, в противоречие с тем, что мы знаем о функционировании римской налоговой системы. Теоретически солдаты не имели права подменять гражданских сборщиков нало-

<sup>15</sup> Именно он первым высказал мнение, что часть сбора шла на нужды гарнизона (Ростовцев. Ук. соч. С. 65). Ср. также *Rostowzew M. Römische Besatzungen in der Krim und das Kastel Charax // Klio. 1902. 2. S. 86.*

<sup>16</sup> Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994. С. 83; *он же*. Северный Понт... С. 124; *Zubar V.M. Zur römischen Militärorganisation auf der Taurike in der 2. Hälfte und am Anfang des 3. Jahrhunderts // Historia. 1955. 44. S. 203.*

<sup>17</sup> Документальные свидетельства о злоупотреблениях легионеров в связи с военными повинностями населения восточных провинций Римской империи в конце II - первой половине III в. н.э. собраны в работах: *Herrmann P. Hilferufe aus römischen Provinzen. Ein Aspekt der Krise des römischen Reichs im 3. Jahrhundert n. Chr. Göttingen, 1990; Hauken T. Petition and Response. An Epigraphic Study of Petitions to Roman Emperors 181–249. Stavanger, 1994 (non vidi).*

<sup>18</sup> В данном случае не имеет значения дискуссионный вопрос, идет ли речь о центральном или провинциальном фиске. Ср. *Millar F. The Fiscus in the First Two Centuries // JRS. 1963. 53. P. 39. Not. 143; Brunt P.A. The Fiscus and Its Development // Roman Imperial Themes. Oxf., 1990. P. 138. Not. 18.*

<sup>19</sup> Ср. определение Ульпиана (Dig. L. 16. 17. 1): *publica vectigalia intellegere debemus, ex quibus vectigal fiscus capit; quale est vectigal portus vel venalium rerum, item salinarum et metallorum et picariarum.*

<sup>20</sup> Ср. *Davies R.W. The Daily Life of the Roman Soldier // ANRW. 1974. II. 1. P. 327.*

гов (государственных чиновников или откупщиков)<sup>21</sup>. При этом в императорское, как и в республиканское, время косвенные налоги в фиск (в отличие от прямых налогов) нередко продолжали сдаваться в аренду именно откупщикам, находившимся под контролем прокураторов<sup>22</sup>. Поэтому, прежде чем делать вывод относительно функций военных при взимании *téλος πορνικόν* в Херсонесе, остановимся на свидетельствах, приводившихся в доказательство того, что римские легионеры могли осуществлять сбор тех налогов, которые не были предназначены непосредственно для нужд армии<sup>23</sup>.

Единственным известным мне эпиграфическим документом, приводившимся в пользу сбора военными прямых налогов<sup>24</sup>, является надпись CIL XI. 707 = ILS 2705, упоминающая префекта конницы, исполнявшего должность *exactor tributorum civitatum Galliae*. Однако существенно снижает ценность данного свидетельства то, что мы не знаем ни точный характер налога<sup>25</sup>, ни того, оставалось ли в бытность сборщиком налогов указанное лицо на военной службе.

Относительно косвенных налогов (*vectigalia*) приводились примеры в пользу того, что эти сборы осуществлялись военными, в первую очередь – сбор таможенных пошлин (*portoria*). Действительно, эпиграфические источники часто указывают на присутствие солдат, в особенности бенефициариев<sup>26</sup>, на таможенных постах, но крайне редко уточняют их функции. Как бы то ни было, ни один из приводившихся документов не позволяет утверждать, что военные в этих случаях заменяли гражданских сборщиков налогов<sup>27</sup>. Так, в знаменитой надписи из Туниса (CIL VIII. 4508, Zarah) фраза «*lex portus post discessum coh(ortis) instituta*» не содержит доказательств того, что данная когорта отвечала за сбор таможенных пошлин<sup>28</sup>. В другом известном африканском тарифе (AE 1914, 234 = CBI 781, Lambaesis) речь идет, скорее всего, о солдатах, выполняющих интендантские обязанности, а не о солдатах-таможенниках<sup>29</sup>. Согласно «Периплу Эритрейского моря» (*Peripl. Mar. Erythr.* 19), взимание таможенных пошлин в Левке Коме осуществлялось не солдатами во главе с центурионом, а

<sup>21</sup> Это следует из литературных и юридических текстов: *Tac. Ann.* 4. 15; *Cass. Dio.* 57. 23. 4 (запрещение Тиберием прокуратору Азии использовать войска); *Dig. I.* 18. 6. 3: *illicita ministeria sub praetextu adiutorum militares viros ad concutiendos homines procedentia prohibere et depraesensa coercere praeses provinciae curet, et sub specie tributorum illicitas exactiones fieri prohibeat*. *Ср. Cod. Theod.* I. 14. 1 (использование военных против неплательщиков); XI. 7. 16 (запрещение военным собирать налоги без государственных чиновников). Из двух последних документов следует, что легионеры могли использоваться в качестве охраны или подкрепления для гражданских сборщиков налогов, например при взимании недоимок.

<sup>22</sup> Это показывает, в частности, письмо императора Адриана к гражданам Афродисиады по поводу налога на гвозди (*Aphrodisias and Rome*, 15). В свою очередь, сбор прямых налогов (*tributa*) возлагался на городских магистратов (*IGR III.* 488 = *OGIS* 565; *IGR IV.* 1637).

<sup>23</sup> Наиболее подробный список такого рода источников приводится в работе: *Davies. Op. cit.* P. 327–328; интерпретация автора, как будет показано ниже, в одних случаях предположительны, в других – ошибочны. *Ср. также MacMullen R. Soldier and Civilian in the Later Roman Empire.* *Cambr. Mass.*, 1963. P. 58–61; *Ott J. Die Beneficiarii.* *Stuttgart*, 1995. S. 132–142; *Nelis-Clément J. Les beneficiarii: militaires et administrateurs au service de l'empire* (Ier s. a. C. – VIe s. p. C.). *Bordeaux*, 2000. P. 243–259.

<sup>24</sup> *Davies. Op. cit.* P. 327.

<sup>25</sup> В ряде случаев слово *tributum* обозначает налоги, предназначенные для военных. *Ср. Dig. L.* 16. 27; *Tac. Ann.* 4. 72. В последнем примере *tributum* обозначает натуральный налог, взимаемый солдатами у племени фризов для собственных нужд (*usus militaris*).

<sup>26</sup> *Nelis-Clément. Op. cit.* P. 252–259; *Ott. Op. cit.* S. 137–142.

<sup>27</sup> В поддержку идеи взимания армией *portoria* высказываются: *Davies. Op. cit.* P. 327; *MacMullen. Op. cit.* P. 59. Против: *Laet S.J. de. Portorium. Etude sur l'organisation douaniere chez les Romains.* *N.Y.*, 1975. P. 209, 268.

<sup>28</sup> *Pace Davies. Op. cit.* P. 327. *Ср. точку зрения Канья (Cagnat R.A. New Roman Customs List // JRS. 1914. 4. P. 146): «they [the officers] were less, perhaps, the financial agents of the emperor than the officials responsible for the police of the military markets and the health of the soldiers».*

<sup>29</sup> Вопреки *Davies. Op. cit.* P. 327. На это указывает перечисление должностей легионеров: *signiferi, beneficiarii, pecuarii*. *Ср. CBI* 781, комментарий.

гражданским чиновником (παράληπτης)<sup>30</sup>. В надписях из Дура-Европос (AE 1931, 116; 117; ср. CBI. 712–720) не содержится доказательств того, что beneficiarii и statores, пост которых располагался у Пальмирских ворот, сами собирали таможенные пошлины, а не служили лишь подкреплением гражданским чиновникам<sup>31</sup>. Посвящение из Майнца (CIL XIII. 11816), приводившееся как пример контроля таможенного пункта бенефициарием, в действительности не может служить доказательством: это следует из нового чтения, принятого в последней публикации данной надписи (CBI. 126). В ее тексте нет никаких указаний на связь посвятителем-бенефициария с таможенной службой<sup>32</sup>. Наконец, в папирусном фрагменте из Александрии (Fink, Roman, 9, 6, h) речь идет лишь о военном poste (statio). О налоговых функциях прикомандированных к нему солдат ничего не говорится<sup>33</sup>.

Нельзя признать убедительными и свидетельства, приводившиеся в пользу того, что солдаты собирали другие виды косвенных налогов (vectigalia)<sup>34</sup>. Так, в одном еврейском комментарии (Tosefta Demai. 6. 3) речь явно идет о налоге из категории военных<sup>35</sup>. Не случайно в тексте документа специально отмечается различие между податью, уплачиваемой в фиск (ozar), и той, что собирает центурион (qitron). В этом же смысле я бы предложил понимать и свидетельство другого талмудического источника (Leviticus Rabbah. 30. 6), где также упомянут солдат, собирающий налоги<sup>36</sup>. В папирусном фрагменте РОху 1185, verso, содержится послание префекта Египта. Из текста следует, что за сбор восьмидрахового налога перед ним несли ответственность стратеги номов, но указаний на то, как собирался этот налог, в документе нет. Во всяком случае центурионы упоминаются в этом послании не как сборщики налога<sup>37</sup>, но в связи с необходимостью их присутствия на праздновании в честь императорского культа в Александрии. Другие источники из Египта, приводившиеся в научной литературе, свидетельствуют в лучшем случае об использовании армии при сборе налогов как вспомогательной силы<sup>38</sup>.

Итак, создается впечатление, что ситуация, изображенная в досье из Херсонеса Таврического, является отнюдь не типичным, а скорее уникальным примером выполнения римской армией задач гражданских сборщиков налогов. Безусловно, особое положение этого полиса, формально не входившего в состав Римской империи, могло предполагать и особый (т.е. военный) характер финансовой администрации: как показывает Переписка, за налоговые поступления с этой территории отвечал командир вексиляции в ранге военного трибуна<sup>39</sup>. Тем не менее даже в Херсонесе

<sup>30</sup> В противоположность тому, что утверждалось в работе: *Davies. Op. cit.* P. 327. См. *Peripl. Mar. Erythr.*, 19: εἰς αὐτὴν παράληπτης τῆς τετάρτης τῶν εἰσφερομένων φορτίων καὶ ἐκαστοτάρχης μετὰ στρατεύματος ἀποστέλλεται. Если в данном тексте идет речь не о римских, но о набатейских чиновниках, как полагают некоторые (см. *Casson L. The Periplus Maris Erythraei. Text with Introduction, Translation and Commentary. Princeton, 1989. S. 145*), то он тем более не может служить доводом в пользу взимания таможенных пошлин римскими военными.

<sup>31</sup> *Nelis-Clément. Op. cit.* P. 252.

<sup>32</sup> CBI. 126: <q>(ui) v(oto) l(ibens) p(ouit) вместо чтения Домашевского в CIL XIII. 11816: c(um) v(ilico) p(ouit). Ср. также *France J. Quadragesima Galliarum: l'organisation douanière des provinces alpestres, gauloises et germaniques de l'Empire romain. Rome, 2001. P. 110–111*.

<sup>33</sup> Вопреки *Davies. Op. cit.* P. 328.

<sup>34</sup> *Ibid.* P. 327–328.

<sup>35</sup> Текст и перевод даны в работе: *Sperber D. The Centurion as a Tax-Collector // Latomus. 1969. 28. P. 186*.

<sup>36</sup> Цитируется в работе: *Isaac B. Reflexions on the Roman Army in the East // The Defense of the Roman and Byzantine East. BAR International Series. 297 (I). Oxf., 1986. P. 383*.

<sup>37</sup> Как полагал Дэйвис (*Op. cit.* P. 327).

<sup>38</sup> Вопреки утверждению МакМаллена (*Op. cit.* P. 60) о том, что в Египте солдаты «collect taxes on trades, taxes in gold, taxes on manufacture and supplies», в приводимых им ссылках (РОху. 1185; 1428; 2154; WO 1487; PLond. 234, 237, 408, 414; P. Cair. Isidor. 127) нет указаний на то, что военные сами собирают налоги. Исключение – PLond. 237, однако в этом документе речь, очевидно, идет об annona militaris.

<sup>39</sup> Любопытная, хотя и частичная параллель: несколькими десятилетиями раньше, в 174 г. до н.э., вексиляцию Мезийской армии в Херсонесе возглавлял финансовый прокуратор провинции Нижняя Мезия Аврелий Кальпурниан Аполлонид (SEG. 45. 985).

полное сосредоточение в руках легионеров фискальных функций вряд ли имело место. Против такого понимания говорит свидетельство другой херсонесской надписи, а именно IOSPE I<sup>2</sup>. 705, датирующей по палеографии примерно тем же временем, что и Переписка. В ней также упомянут налог на проституцию (сткк. 1–2: [τέ]λε πορν[ικῶ]). Судя по сохранившимся строкам, перед нами распоряжение командира Херсонесской вексилляции<sup>40</sup>. Документ составлен от первого лица и касается некоторых деталей регламентации проституционной подати: речь идет о намерении автора постановления сохранить в силе предписания прежних военных трибунов<sup>41</sup>, устанавливающих, судя по всему, гонорары проституток и сумма налога, причем отмечается, что эту сумму должны получать откупщики (стк.12: τοῖς τοῦ τέλους μισθ[οταῖς]). Эта информация позволяет, на мой взгляд, уточнить роль, которую в данном деле могли играть римские легионеры.

Как известно, контроль за проституцией – как в греческих полисах, так и в Риме – традиционно входил в обязанности магистратов, отвечавших за поддержание порядка, – астиномов и эдилов, своего рода муниципальной полиции<sup>42</sup>. В то же время в римских провинциях, в том числе и в городах, полицейский надзор мог осуществляться армией<sup>43</sup>. Любопытна одна литературная параллель<sup>44</sup> к изображенной в нашем документе ситуации – текст Тертуллиана (*De fug. in persecut.* 13. 5. 38). Из него следует, что некоторые категории населения в Карфагене во II в. н.э. подлежали особому контролю и особому налогообложению, в частности лица, извлекающие доход из проституции (*lepones*)<sup>45</sup>, и что их учет велся выполняющими полицейские функции военными (*beneficiarii*)<sup>46</sup>, – судя по всему, из состава расположенной в Карфагене *cohors urbana*. Не исключено, что и в Херсонесе дело обстояло сходным образом и что задача легионеров под командованием центуриона Валерия Максима<sup>47</sup> состояла среди прочего в осуществлении полицейского контроля. В связи с этим солдаты могли принимать участие – вместе с откупщиками – во взимании некоторых налогов. Как бы то ни было, у нас нет веских доводов в пользу того, что в Херсонесе (или где-либо еще) римская армия подменяла налоговый аппарат империи. Можно предположить, что одновременно с прочной оккупацией Херсонеса римскими войсками полис лишился некоторых традиционных поступлений в казну, в частности проституционной подати<sup>48</sup>. Однако эти

<sup>40</sup> По мнению Латышева, данный документ является судебным решением военного трибуна Аррия Алквивиада, опубликованным по распоряжению наместника, о чем говорится в Переписке (ср. IOSPE I<sup>2</sup>. 404, 1. 41). Однако для столь точной атрибуции основания отсутствуют: ничто не указывает ни на судебный характер документа, ни на авторство Аррия Алквивиада.

<sup>41</sup> Чтение и восстановление Латышева сткк. 3-4 нуждается, на мой взгляд, в небольшом исправлении: με φυλάξ[ειν] — — ἄ οἱ] πάσαι χεῖ[ρ]αί[α] ἄριστ[αν] («что я сохраню в силе то, что определили прежние военные трибуны»).

<sup>42</sup> В Афинах астиномы осуществляли надзор за флейтистками (*Arist. AP.* 50). Согласно Suid. (*Δ 528. s. v. διόγουρσιμα*), гонорары для гетер устанавливали агораномы (возможно, следует читать астиномы). Из рассказа Авла Геллия (4. 14) следует, что курульный эдил мог проверять дом проститутки-одиночки. О регистрации проституток у эдилов в Риме сообщает Тацит (*Ann.* 2. 85). О том, что места, связанные с проституцией, подлежали контролю эдилов, говорится также у Сенеки (*Vit. beat.* 6. 7. 3).

<sup>43</sup> Показательно, что в конце II – первой половине III в. н.э. легионеры все чаще исполняют обязанности полицейских (*MacMullen. Op. cit.* P. 53). Ср. также *Hirschfeld O. Die Sicherheit-polizei im römischen Kaiserreich // Kleine Schriften. B.*, 1913. S. 576–612; *Lopuszanski G. La police romaine et les Chrétiens // Ant. Class.* 1951. 20. P. 5-46.

<sup>44</sup> Впервые на нее указал Домашевский в комментарии к CIL III. 13750.

<sup>45</sup> Наряду с ними в списке Тертуллиана названы: *tabernarii, ianei, fures balnearum, aleones, Christiani*.

<sup>46</sup> Наряду с бенефициариями в этом же отрывке упомянуты *curiosi*. О значении термина см. *Seek O. Agentes in rebus // RE. Bd I.* 1893. Sp. 778.

<sup>47</sup> Ростовцев предположил, что он был командиром херсонесского гарнизона (*Ук. соч.* С. 67).

<sup>48</sup> О том, что налог на проституцию был одним из распространенных источников городских доходов, свидетельствуют данные из Коса (*Pleket. Epigr. I.* 23. 5; II в. до н.э.) и Египта (*PSI IX.* 1055/a; II в. н.э.; ср. также *P. Lond. inv.* 1562 verso, опубликованный в работе: *Rea J. P. Lond. inv.* 1562 verso: *Market Taxes in Oxyrhynchus // ZPE.* 1982. № 46. С. 191–209).



средства были направлены не непосредственно в Херсонесскую вексилляцию, а в фиск и сданы в аренду откупщикам<sup>49</sup>. Но если указанный налог предназначался для фиска и взимался откупщиками, то военные должны были лишь контролировать его взимание, и, видимо, именно в этом качестве они вступили в конфликт с гражданским населением Херсонеса.

Это наблюдение возвращает нас к вопросу о сути конфликта. Мы уже видели, что нововведения легионеров не могли заключаться (*pase* Ростовцев) в перераспределении долей дохода от проституционной подати между полисом и вексилляцией. Предположение о том, что предметом жалобы граждан были военные реквизиции, к которым солдаты могли прибегнуть в силу неких чрезвычайных обстоятельств, также кажется маловероятным: ведь в досье, как было показано, речь идет о фискальном налоге, а реквизиции осуществлялись в рамках *annona militaris*. Приходится констатировать, что на каком-то основании солдаты стали взимать проституционный налог с гражданского населения, причем это основание было, с их точки зрения, достаточно веским, так как легионеры не только не боялись действовать в обход существующей практики<sup>50</sup>, но и сочли возможным просить, чтобы их «нововведения» были узаконены (IOSPE I<sup>2</sup>. 404, l. 18–19). Чем же могли быть вызваны их действия?

Наиболее простым ответом на интересующий нас вопрос был бы тот, что военные располагали доказательствами незаконного извлечения гражданами доходов из проституции. Против этого, однако, есть одно существенное возражение: если бы дело заключалось в этом, в декрете граждан должны были бы упоминаться «ложные обвинения» и т.п., а в ответе наместника содержалось бы распоряжение провести расследование, а не приказание прекратить незаконные действия. Предлагалось и следующее объяснение<sup>51</sup>: солдаты собирали недоимки, причем основанием для «нововведений» было то обстоятельство, что именно граждане были истинными владельцами публичных домов и прочих связанных с проституцией заведений. С этим также трудно согласиться. Сам по себе факт владения недвижимостью, использовавшейся для содержания публичных домов, не означал занятия сводничеством (*lepocinium*) и не мог являться поводом для соответствующего налогообложения. Приводившаяся в подкрепление этой версии цитата из Ульпиана – «публичные дома действуют и во владениях многочисленных почтенных людей» (*Dig. V. 3. 27: «nam et in multorum honestorum virorum praediis lupanaria exercentur»*) – никак не доказывает, что такого рода косвенное извлечение доходов из проституции рассматривалось как *lepocinium*. Наоборот, из контекста данного параграфа «Дигест» следует, что это была законная статья дохода для большого числа состоятельных граждан.

Попытаемся найти другое возможное объяснение. Примечательно, что, согласно тексту городского декрета, «нововведения» вступали в противоречие с привилегией, данной в свое время полису императорами. В досье упоминаются некие твердо установленные правила (стк. 17: τὰ οὕτως ἀσφαλῶς ὀρισθέντα), которые граждане называют даром императоров (стк. 20–21: τῶν δεδωρῆμένων καὶ τῶν κεκρμμένων [ἡμῶν δικαίων]; ср. стк. 26) и которые солдаты пытались, по их мнению, изменить (ср. стк. 9: νεωτεροῦσθαι[τ]). Предположение, что эта привилегия предоставляла гражданам Херсонеса освобождение от проституционной подати, следует отвергнуть по той причине, что (как уже говорилось выше) сами граждане не подлежали этому налогу по определению, т.е. в силу своего гражданского статуса. Тем не менее, как кажется, в

<sup>49</sup> Обычно основанием для этого служил специальный «закон об откупе» (νόμος μισθοῦσῶς), принимавшийся Римом для каждого конкретного случая. Такого рода закон упоминается, например, в *SC... de Oropiorum et publicanorum controversiis*, принятом после смерти Суллы (RDGE. 23. l. 19, 25, 33).

<sup>50</sup> Вспомним, что правом устанавливать или изменять какие-либо *vectigalia* обладал только император. На это указывает, в частности, юрист Гермогениан (*Dig. XXXIX. 4. 10: vectigalia sine imperatorum praescepto neque praesidi, neque curatoris, neque curiae constituere, neque praecedentia reformare et his vel addere vel diminueri licet*). Ср. *Cod. Just. IV. 62. 1–3*.

<sup>51</sup> *McGinn. Op. cit. P. 263, 339.*

Переписке можно найти указания на характер интересующей нас привилегии. В декрете граждан упоминаются «места, подлежащие этому налогу» (стк. 29: ἐπὶ τοῖσι τοῖσι εἰς τοῦτο τὸ τέλος ἀνήκουσιν). Ростовцев справедливо отметил, что имеются в виду особые кварталы города, где находились публичные дома и жили проститутки-одиночки<sup>52</sup>. Существование подобных кварталов подтверждается и другим текстом: в приводившемся выше распоряжении военного трибуна о налоге на проституцию идет речь о «границах» (IOSPE I<sup>2</sup>. 705. l. 14: τῶν ὄρων), причем из контекста этого документа следует, что имеется в виду часть города, в пределах которой допускалась легальная проституция. Между тем выделение таких особых зон не было правилом в античных городах. Так, например, из археологического анализа организации пространства в Помпеях следует, что места, связанные с сексуальными услугами, не концентрировались непременно в строго определенных частях города. Единственная закономерность, которую удастся проследить, – подозрительные заведения (lupanaria, sauronia, porinae) не допускались на парадных улицах. Но при этом они могли находиться в самой непосредственной близости к репрезентативным городским постройкам<sup>53</sup>. К такому же заключению приводят слова Диона Хризостома (VII. 133), согласно которому, сфера деятельности содержателей публичных домов (πορνοβοσκῶν) не ограничена специальными кварталами, – их οἰκῆματα расположены повсюду в городе (πανταχοῦ τῆς πόλεως) – на пути следования магистратов, на площадях, вблизи резиденций архонтов и вблизи святилищ (ἐν τε παρόδοις ἀρχόντων καὶ ἀγοραῖς, πλησίον ἀρχείων τε καὶ ἱερῶν).

Напротив, в Херсонесе местоположение заведений, подлежащих налогу на проституцию, как следует из двух приведенных эпиграфических свидетельств, было строго регламентировано. Причем похоже, что эта мера не была вызвана одним лишь стремлением римских властей обеспечить удобство взимания налога и максимальные поступления в фиск. Обратим внимание на следующие детали. В своем декрете херсонеситы указывают на городские места, где «им (т.е. солдатам) запрещено взимать с кого-либо налог вопреки закону и применяя силу»<sup>54</sup>. В письме к гражданам наместник также говорит о том, что солдатам запрещено «переступать подробно описанную границу» (IOSPE I<sup>2</sup>. 404, l. 33: [μητε τοὺς ὑπὴρ]ετοῦντας ὑπερβαίνειν τὸν περιγεγραμμένον ὄρον)<sup>55</sup>. Наконец, в судебном решении (sententia) военного трибуна Аррия Алквиада по поводу взимания проституционной подати упоминается «явно определенная часть, (относящаяся) к праву фиска»<sup>56</sup>. Создается впечатление, что легионеры имели право осуществлять полицейский контроль исключительно в пределах установленной части города. По этой причине именно там допускалась легальная проституция. Но в первую

<sup>52</sup> Ростовцев. Ук. соч. С. 63.

<sup>53</sup> Wallace-Hadrill A. Public Honour and Private Shame: the Urban Texture of Pompeii // Urban Society in Roman Italy / Ed. T.J. Cornell, K. Lomas. L., 1995. P. 39-62. Характерно местоположение бани: «the facade of the Stabian baths looks nobly onto that part of the Via dell'Abbondanza which seems to have a special status; the back entrance leads within a few yards to the largest brothel in town» (Ibid. P. 54-55).

<sup>54</sup> Фраза в стк. 18: [---]ς ἐφ' οἷς κωλύονται ἀδίκως καὶ βίαιως τινα πράττοντες не вполне ясно была переведена переводчиком: «Совершая некоторые несправедливые и насильственные поступки в том, что им воспрещается». На мой взгляд, предложная конструкция в данном сочетании имеет то же значение, что и в стк. 29, и должна быть понята следующим образом: «Там, где им запрещено собирать налог с кого-либо вопреки закону и применяя силу». Отметим попутно, что перед *επισημον* в начале строки читается *σигма*, пропущенная Латышевым. Не исключено, что здесь так же, как и в стк. 29, следовало восстанавливать: [ἐπὶ τοῖσι]ς («в местах»).

<sup>55</sup> Данную фразу из ответа наместника издатели надписи поняли как метафору: «Чтобы служащие не переступали предписанного предела». Между тем ее следует, скорее всего, понимать буквально как указание на определенную городскую территорию. Возможно, слово τὸς ὑπὴρετοῦντας (букв. «помогающие») имеет здесь техническое значение и обозначает аппарат гражданских сборщиков налога, состоявший из воинов Херсонесской векиллиции (ср. в похожем контексте IGR III. 1056, p. 396, l. 36 – [τῶν ὑπὴρ]ετῶν).

<sup>56</sup> Чтение и восстановление IOSPE I<sup>2</sup>. 404, l. 36 требуют коррективов. Здесь, вероятно, восстановление: *manifeste determinatam partem ad ius fisci* [attinentem ---]. По поводу формулы «право фиска» (*ius fisci*) ср. Berger A. *Encyclopedic Dictionary of Roman Law*. Philadelphia, 1953. S. v. *ius (iura) fisci*; Dig. XLIX. 14 (de iure fisci).

очередь данное территориальное разграничение должно было защитить граждан от злоупотреблений со стороны легионеров. Именно в этом, как мне кажется, и могла заключаться привилегия, полученная херсонеситами в результате их прошения (δέησις), направленного императорам (IOSPE I<sup>2</sup>. 404. I. 24–25).

Историю этой привилегии можно было бы представить себе следующим образом. Оккупация города римскими войсками сделала херсонеситов объектом полицейского контроля, причем право контролировать всю без изъятия городскую территорию, очевидно, давало легионерам немалые возможности для злоупотреблений. В частности – при взимании проституционной подати. В этих обстоятельствах даже статус гражданина не всегда давал гарантию от незаконных преследований<sup>57</sup>. Очевидно, достаточно надежной защитой против такого рода злоупотреблений могло служить только строгое определение частей города, подлежащих контролю со стороны воинов вексилляции. В ответ на прошение граждан было принято решение императоров (ср. IOSPE I<sup>2</sup>. 404. I. 7: [– – – τῆς αὐ]τοκρατορικῆς ἀντιγραφῆς) и постановление наместника провинции (ср. стк. 13: ὑπομνήμασιν πιστευόντες ὑλατικῶν). Согласно этому постановлению, был назначен в качестве iudex datus тогдашний командир Херсонесской вексилляции (стк. 27: [τὸ]ν περὶ τοῦτου ἀλοφίνασθαι κελευσθέντα χειλίαρχον περιουσιθέν), в задачу которого входило составление своего рода кадастра и определение границ подконтрольной легионерам территории. Отсюда фигурирующие в деле ссылки на судебное решение (сткк. 13, 26, 35: ἀλόφασις, *sententia*) военного трибуна, указанную в нем часть, относящуюся к праву фиска (стк. 36), а также на порядок, установленный в результате первоначального разыскания (стк. 23: [ἡ] περὶ τοῦ πράγματος τοῦτου ἀρχήθεν ἐπιζήτησις γενομένη), и правила, предписанные «с большим вниманием» (стк. 28: τὰ μετὰ τὸσαύτης (– – –) καὶ σκέψεως [ὀρισθέντα]). Таким образом, была, в частности, определена и территория, где допускалось взимание vestigal lenocinii. Там должны были располагаться *oikēματα* и тому подобные заведения. В то же время определенная (скорее всего небольшая) часть города, где находились дома полноправных граждан, была из этого контроля изъята. Вынесенное решение должно было послужить основой для действий последующих военных трибунов. Можно, однако, предположить, что вопрос о включении тех или иных городских владений в сферу контроля легионеров продолжал время от времени порождать конфликты, – прежде всего в моменты смены командиров вексилляции и, соответственно, воинов гарнизона. Эти своего рода «пограничные» споры между военными и гражданами разрешались, вероятно, по той же схеме: назначение наместником военного трибуна в качестве судьи и его судебное решение, как правило, подтверждавшее прежде установленный порядок<sup>58</sup>.

Подтверждением предложенной реконструкции событий может служить еще одна херсонесская надпись, а именно IOSPE I<sup>2</sup>. 405 cum add., датирующаяся скорее всего северовским временем<sup>59</sup>. Латышев, издавая документ, ограничился указанием, что это «фрагмент письма императора или наместника провинции об установлении в городе границ, внутри которых, вероятно, должна была размещаться римская вексилляция»<sup>60</sup>. Позднее Э.И. Соломоник высказала мнение, что в этой надписи речь шла не о границах вексилляции, но, как и в цитированной выше IOSPE I<sup>2</sup>. 705, о предписании проституткам селиться в определенных местах города<sup>61</sup>. В.М. Зубарь предположил, что имеются в виду границы, в пределах которых мог размещаться

<sup>57</sup> Предлог для вымогательства найти было несложно. Практически любого гражданина можно было, например, обвинить в использовании рабов для проституции. Ср. запрещение на этот счет Септимия Севера (Dig. I. 12. 1).

<sup>58</sup> В пользу этого свидетельствует упоминание постановлений легатов и судебных решений военных трибунов во множественном числе (стк. 13).

<sup>59</sup> На такую датировку указывают палеографические признаки, в первую очередь прямо-угольные *сигма*, *омега*, *угловое фи*.

<sup>60</sup> IOSPE I<sup>2</sup>. 405. p. 372.

<sup>61</sup> Соломоник Э.И. Два античных письма из Крыма // ВДИ. 1987. № 3. С. 129.

римский гарнизон и связанное с ним гражданское население<sup>62</sup>. На мой взгляд, все перечисленные интерпретации не лишены верных наблюдений, но содержание документа можно определить с большей точностью. Прежде всего, перед нами не письмо императора или наместника провинции, а текст жалобы, адресованной императору или наместнику, причем скорее всего сопровождавшийся не дошедшим до нас рескриптом. На то, что это жалоба, несомненно указывает выражение «отягощать мой дом» (стк. 6: ἐμίη οἰκία ἐνοχλεῖν). Употребленный здесь глагол ἐνοχλεῖν в эллинистическую и римскую эпоху регулярно служил для обозначения злоупотреблений, допускаемых военными в отношении гражданского населения<sup>63</sup>. Судя по всему, жалоба была подана императору или наместнику одним из знатных граждан, может быть городских магистратов, и была выставлена вблизи дома вместе с ответным посланием с целью обезопасить жилище от дальнейших посягательств военных.

Трижды повторенное в тексте местоимение αὐτοῖ (сткк. 3–5) должно, судя по контексту, обозначать солдат римской вексилляции. В этом случае в сткк. 2–3 надписи речь, очевидно, шла о том, что вновь прибывшие военные выдвигают против гражданского населения те же самые обвинения (τάς αὐτάς αἰτίας), что и их предшественники (οἱ πρό αὐτῶν πέρυσιν). Эти обвинения, как свидетельствуют сткк. 4–5, были связаны с проблемой «границ внутри города» (προδηλώσαι αὐτοῖς ὄρους ἐντός [τῆς] [πόλεως]). Показательно, что, согласно документу, данные границы были проведены городскими властями от имени высшего должностного лица (ἐξ αὐθεντείας), как позволяют предположить многочисленные параллели<sup>64</sup>, – наместника провинции или императора. Из сказанного следует, что незаконные притязания военных были связаны с непризнанием ими установленных гражданами границ, а именно с тем, входило ли то или иное владение в сферу контроля римской вексилляции. Не случайно в жалобе говорится, что злоупотребления совершаются под тем предлогом, что данное жилище якобы расположено внутри некой границы (ср. стк. 7: ἐπί προφάσ[ε]ι μὲν [ἐ]ντός ἐνοικ[εῖν]), скорее всего отмечавшей подлежащую контролю военных часть территории. Мы не можем быть абсолютно уверены, что и в этом случае злоупотребления состояли в незаконном взимании налога на проституцию. Не исключено, что речь шла, например, о военных повинностях, от которых могли быть освобождены полноправные граждане. Как бы то ни было, в связи с этим текстом для нас важны два наблюдения. Во-первых, мы видим, что вопрос о границах территории, подконтрольной вексилляции, неоднократно являлся источником конфликта. Во-вторых, в данном случае, как и в ситуации, изображенной в Переписке, конфликт возник с прибытием новых легионеров.

Это позволяет нам следующим образом достроить гипотезу о развитии конфликта вокруг институциональной подати. Скорее всего в своей петиции военные представили на рассмотрение наместника некий перечень подлежащих налогу домовладений. Еще до того они (вместе с откупщиками) приступили к взиманию налога на основе этого перечня. Законность этих действий солдаты обосновывали, апеллируя не столько к существовавшим постановлениям представителей римской администрации, сколько к практике своих предшественников<sup>65</sup>. Со своей стороны, граждане, ссы-

<sup>62</sup> Зубарь. Херсонес Таврический... Киев, 1994. С. 93; *он же*. По поводу интерпретации и датировки некоторых памятников, связанных с римским военным присутствием в Херсонесе Таврическом // ВДИ. 2002. № 2. С. 86.

<sup>63</sup> Ср. Wilhelm A. *Akademischeschriften zur griechischen Inschriftenkunde (1895–1951)*. Bd II. Lpz, 1974. S. 49; Welles. 1. l. 43; 30, l. 8; Syll.<sup>3</sup> 888, l. 27, 68.

<sup>64</sup> По поводу регулярно встречающегося в эпиграфических документах о проведении границ латинского эквивалента этой формулы (ex auctoritate) см. Eck W. *Terminationen als administratives Problem: das Beispiel der nordafrikanischen Provinzen // Die Verwaltung des römischen Reiches in der Hohen Kaiserzeit*. Bd I. Basel - Berlin, 1995. S. 355–363.

<sup>65</sup> Замечание легата о том, что Арий Алквиад не мог по собственной воле увеличить налог (IOSPE I<sup>2</sup>. 404, l. 37–38; idem Alcibiades videri non [po]ttest... [intentionem? exagg]erandae vestigialis quantitatis sponte suscepisse), показывает, что военные ссылались на некий якобы установленный до них обычай. Расширение перечня подлежащих налогу объектов за счет владений граждан и означало увеличение суммы налога, о котором говорит наместник.

лаясь на свою привилегию, доказывали несоответствие данного «расширенного» варианта тому перечню, который был установлен судебным решением предыдущего военного трибуна и которым, по их мнению, должны были руководствоваться военные. Видимо, формально этот конфликт и исчерпывался: не случайно без дополнительного расследования наместник ограничился распоряжением опубликовать в городе решение Аррия Алквиада, а это и должно было положить конец данному делу. К сказанному добавим, что вновь прибывшим легионерам, очевидно, не всегда было просто установить истину относительно подотчетности им того или иного городского владения. Не исключено также, что и граждане могли использовать период смены гарнизона в собственных корыстных интересах. Наконец, в ситуации, когда налог платился в фиск, а не шел на содержание гарнизона, прямая заинтересованность военных состояла не столько в увеличении сумм налога, сколько в расширении подконтрольной им территории. Неудивительно, что в этих условиях могли возникать конфликтные ситуации.

В заключение попытаемся определить, как предложенная здесь реконструкция согласуется с тем, что нам известно о положении Херсонеса в конце II – первой половине III в. н.э. Полученная в правление Антонина Пия свобода, или так называемая «вторая элевтерия» (ср. IOSPE I<sup>2</sup>. 362, 423), означала переход этого полиса, подчиненного, как мы знаем, еще при Адриане<sup>66</sup> боспорским царям, под контроль римской администрации. Подразумевала ли данная элевтерия привилегии, которыми традиционно обладали свободные города (*civitates liberae*), в частности налоговый иммунитет, или она обозначала лишь факт независимости от боспорского протектората, сказать с полной определенностью трудно. С одной стороны, можно констатировать отсутствие данных в пользу того, что в период элевтерии херсонеситы подлежали прямому налогообложению, т.е. платили *tributa capitis et soli*. В то же время, на основании изученного здесь досе мы вправе считать, что определенная часть косвенных городских налогов (*vectigalia*) перешла в ведение фиска и сдавалась в аренду откупщикам<sup>67</sup>. Причем, та часть территории Херсонеса, доходы с которой поступали в фиск, контролировалась, по всей вероятности, не полисом, а военной администрацией во главе с командиром вексиляции Мезийской армии в Таврике. В этом качестве он и должен был отвечать за поступление налогов в императорскую казну (IOSPE I<sup>2</sup>. 404, l. 39). Однако, принимая во внимание разнообразие финансовых отношений между Римом и *civitates liberae*, нельзя исключать, что налоговая политика Рима в Херсонесе в целом вписывалась в рамки политики, проводимой по отношению к другим свободным городам<sup>68</sup>.

Как мы видели, римские власти должны были подчинить присутствие военных в Херсонесе и их отношения с гражданским населением строгой регламентации. Вероятно, кварталы, где располагались дома полноправных граждан, не подлежали – в

<sup>66</sup> Согласно Флегону из Тралл, император Адриан, вероятно, в 123/4 г. подчинил, а скорее всего, подтвердил уже имевшее место подчинение Херсонеса Боспору (FGrHist II. 257 F17 = *Const. Porph. De them.* 2.12: ἐβασίλευτο ὁ Βόσπορος Κότυι τῷ Βοσποριανῶι βασιλεῖ, ὡ καὶ διάδημα ἐκέλευσε φορεῖν ὁ Καῖσαρ, καὶ τὰς πόλεις αὐτῶι καθυπέταξεν, ἐν αἷς συναριθμεῖ καὶ αὐτὴν Χερσῶνα. Достоверность данной исторической информации недавно была подвергнута сомнению Д. Браундом (*Braund D. Hadrian and Cotys II: a cautious reading of Phlegon's fragment on Chersonesus* (FHG III, 607, 20 = FGH 257, 17 // ДБ. № 6. С. 44–49). Однако его аргументы, которые я рассмотрю в другом месте, не кажутся мне убедительными.

<sup>67</sup> Вспомним один пример для сравнения: граждане свободного полиса Афродисиады в Карию были не только освобождены от налогов (*ἀτελεῖς*), но и защищены законом от присутствия откупщиков (*ἀδημοσιῶνητοι*), согласно *SC de Aphrodisiensibus* (Aphrodisias and Rome. 8, l. 60). Ср. также цитату из *lex de Termessibus* (FIRA I. 11, col. II, l. 34), приводимую Дж. Рейнольдс (*Aphrodisias and Rome. 8, comm. ad l. 60*) в комментарии к этой строке: *populi quid portori ab iis capiat, quei publica populi Romani vectigalia redempta habebunt.*

<sup>68</sup> О соотношении «*immunitas – libertas*» применительно к свободным городам ср. заключение Бернхардта: «Die Freistädte waren weder in der Republik noch in der Kaiserzeit bis ins dritte Jahrhundert n. Chr. zur Zahlung direkter Steuern verpflichtet. Freie und foederierte Städte waren jedoch in der Regel zur Leistung nicht nur unregelmässiger, sondern auch regelmässiger Liturgien gezwungen. Diese φιλικὰ λειτουργία wurden gelegentlich in nachlässigem Sprachgebrauch auch als *tributa* und *vectigalia*... bezeichnet» (*Bernhardt R. Die Immunitas der Freistädte // Historia. 1980. 29. S. 207*).

отличие от остальной территории – неограниченному полицейскому контролю со стороны солдат. Упоминание в рассмотренных надписях «границ» делает возможным предположение, что эти жилища концентрировались в отдельной части города, возможно, примыкавшей к общественному центру. В то же время пребывание легионеров в непосредственной близости к гражданскому населению оказывалось, судя по всему, источником частых конфликтов, один из которых нашел отражение в рассмотренном документальном досье.

A DOSSIER ABOUT THE TAX ON PROSTITUTION FROM CHERSONESUS TAURICA  
(On the Internation of IOSPE I<sup>2</sup>. 404)

I.A. Makarov

The generally assumed dating of the inscription in question (185–186 AD) cannot be considered well proved. It would be preferable to date it by a broader period of the late 2nd – the first half of the 3rd century AD. The most probable date of this text of the document are the later years of Commodus' rule or the rule of Severus Alexander. Quite often participation of the Roman army in collecting the tax on prostitution is wrongly explained by the assumption that this tax was intended for the needs of *vexillatio Chersonesitana* and constituted a part of *annona militaris*. In reality, the tax went to the imperial fisc and was collected by publicans (cf. IOSPE I<sup>2</sup>. 705). The legionaries' task consisted most probably in exercising control over the collecting of the tax.

A special situation of Chersinesus Taurica consisted in the fact that some part of the territory of the polis was under the direct control of Roman military administration headed by the commanding officer of the *vexillatio Chersonesitana* in the rank of military tribune. The core of the conflict between the citizens and the soldiers consisted not in the way the income from the tax was distributed (this was M. Rostovtzeff's view), but in defining the borders of the territory where prostitution was legal and τέλος πορνικόν was collected. This document makes it possible to specify the character of the autonomy (ἐλευθερία) granted to Chersonesus under Antoninus Pius. Though deprived of some part of the city income, the citizens, however, were not subject to direct taxation, and their status protected them from police control on the part of the *vexillatio*.